

СОВРЕМЕННЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Николай Константинович Фролов

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В СИБИРИ: СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В статье рассматриваются основные лингвистические закономерности, повлиявшие на развитие русского литературного языка в регионе, его роль как средства межнационального общения, языка государственной документально-деловой письменной культуры.

*Русский язык – великий язык
великого русского народа.*

Академик С. П. Обнорский

Поступательное развитие русского литературного языка и литературы, все более активное вторжение в языковую действительность живой речи обусловило в XVII столетии качественные изменения всего духовного наследия в лингвистическом самосознании русского народа. XVII–XVIII века объективно считают переходной эпохой становление русской нации, ее народной культуры и государственного языка. Трансформация великорусской народности со второй половины XVII в. в нацию отразила главные признаки формирования любой нации: функционирование единого государственного языка, целостность территориального пространства, общность психического склада титульного народа, его культуры, религиозного мировоззрения и экономического уклада.

Превращение языка великорусской народности в язык государственной нации языковеды объясняют внутрilingвистическими закономерностями, отражающими социальные условия жизни русского народа, его конкретными достижениями в письменной культуре, литературе и фольклоре. Естественно, формирование московского сильного централизованного государства было связано с жизненной необходимостью обороны страны от внешних военных и духовных вторжений или воздействий.

Известно, что в донациональный период в состав российского государства, помимо земель с компактным русским населением, входили территории, ставшие национальными образованиями в годы советской власти и получившие возможность автономного государственного развития. Однако предыстория их становления уходит вглубь конкретной истории того или иного народа. При жизни московского царя Ивана IV в составе Московской Руси добровольно оказались чуваша (1551), марийцы (1551), мордва (1552), удмурты (1552), башкиры (1557), покорены поволжские (1552), астраханские (1556) татары. Еще ранее к Московии мирно присоединились калмыки (1419), карелы (1478), коми (1478), а также терские земли (1450).

Все эти народы, за исключением коми (1493), не имели письменности на родном языке и пользовались русским языком, на котором создавали все государственные деловые документы.

Так русский язык исторически начал играть роль межнационального письменного языка. Само же слово «Россия» объективно стало названием государственного объединения, населенного в основном этническими славянами, которые после распада древнерусской народности стали именоваться *великороссами*, *русскими*, что отличало название этой народности от названий *малороссийской* (изначальной, центральной), *белорусской* (западной) народностей.

Название русского государства варьировалось: *Русь*, *Киевская Русь*, *Русская земля*, *Московская Русь*, *Россия*, *Российская империя* и др. Например, в XVI в. это государственное объединение называлось «Российское царство», а первым русским царем (не князем! – Н. Ф.) принято считать Ивана Васильевича IV, Грозного, хотя при жизни «грозным» именовали царя Ивана III. Правительственный титул «царь» (лат. цесарь) продержался до 1721 г., когда по указу Петра I он был заменен на титульное наименование «император», а государство вместо «царство», стало официально называться империей. Это наименование было упразднено после Октябрьской революции.

Термин «*русь*» (русский) остается этимологически не прозрачным. Его изначальный смысл раскрывается по-разному: в древнегреческих источниках **рос** – имя легендарного князя какого-то северного народа (ср. библейск. рош «начальник, правитель»); русские историки связывают этноним «русский» с южными жителями, располагавшимися по реке Рось; О. Н. Трубачев и его предшественники, в частности В. Н. Татищев, этимон слова «русь» соотносят со словом «*русый*», «*русоволосый*», т. е. «*светлый*», «*белый*»; А. А. Шахматов и сторонники скандинавского происхождения Киевской Руси обнаруживают большое сходство имени «русь» с финским словом *Ruotsi* «гребец» (гребцы), имевшим социальное значение. Прибалтийско-финский корень считают предпочтительным Г. А. Хабургаев, Г. Ф. Ковалев и некоторые другие. Однако Б. А. Рыбаков солидаризуется с теми этимологами, которые этническое имя «русский» отождествляют со словом «**русь**», т. е. беловолосый.

Территория русского государства значительно расширилась в период царствования Алексея Михайловича Романова (1629 – 76), когда была воссоединена с Россией Малороссия (Украина), возвращена Северная земля и Смоленск, освоены донские земли и Сибирь.

Западная Сибирь уже в XV в. становится предметом стратегических интересов Московского царства. Об этом можно судить по целому ряду ключевых событий: 1445 г. – строительство на р. Сыгве, на месте старого лагеря новгородца Степана Ляпы, русского острога; 1483 г. – открытие третьего торгового пути с верховий Печоры через Камень (Урал) на реке Пелым, Тавду, Иртыш, Обь; 1499 – 1500 гг. – возведение «известных острожков» – Березовского, Казымского, Кодского, Ляпинского, Обдорского, Сартыньянского и Юильского; 1574 г. – разрешение Ивана Грозного, в чьем титуле значилось «Обдорских, Кондинских и Сибирских земель повелитель», солепромышленникам Строгановым «на Иртыше и Оби и иных реках, где пригодится для бережения ... крепости и сторожей с вогненным нарядом держать»; 9 июля 1586 г. – возведение городка Тюмень, а в 1587 г. была заложена крепость Тобольск.

Из приведенных фрагментов русского присутствия в Сибири очевидна последовательность освоения зауральских земель. Это заметно усилилось в конце XVI – первой пол. XVII вв.: 1589 г. – строительство Лозьвинского острога, первой сибирской верфи; 1593 г. – возведение Березовского, Носового (с 1595 г. – Обдорского) и Сургутского острогов, 1596 г. – Кетского и Нарымского городков, 1601 г. – Мангазейского, 1604 г. – Томского острога и Туруханского зимовья, 1628 г. – Красноярского и 1643 г. – Якутского острогов. Всего за это время было построено около 100 зимовий, острогов и городков.

Типичные тогда городки состояли из кремля, посада, слободы и церкви. Таким был и город Тюмень, по описанию 1596 г., в который, помимо собственно города-крепости и посада, входили Ямская, Татарская (Бухарская) слободки. В Кремле, огражденном рублеными стенами с восемью башнями, размещались Рождественская и Никольская церкви, съезжая изба, 10 торговых хлебных житниц, соляной амбар, винный погреб, амбар для казны, две караульные избы. В 1616 г. рядом с Ямской слободой на мысу р. Бабарынки был заложен мужской монастырь, а на берегу реки Туры — Девичий монастырь с Ильинской церковью. Согласно переписи 1624–25 гг., в посаде располагались 370 дворов, а всего в Тюмени проживало примерно 1700 человек — дети боярские, сотники, подьячие, стрельцы, писари, воротники, посадские, пашенные люди, бобыли, вдовы, священники, отставные служилые люди и др.

С приходом русских в Сибирь изменялся образ жизни аборигенного населения, во-первых, были нейтрализованы военные столкновения, возникавшие нередко между местными феодальными кланами, во-вторых, в жизнь и быт аборигенов были привнесены новые формы хозяйствования — земледелие, бортничество, смолокурение и др., в-третьих, распространилось христианство, а с ним и грамота, новая культура. Чтобы иметь представление о положении с «книжным делом» в главной тогда в Сибири Тобольской губернии, обратим внимание на церковную, агиографическую («житийную») и деловую письменность.

В ранних сибирских источниках содержатся известия о распространении в основном богослужебной литературы, что было связано со строительством в новых острогах церквей и приездом православных миссионеров. «Светская» литература была представлена различными жанрами деловых документов — челобитными, памятями, наказами, «скасками» и др. Если богослужебная литература (псалтыри, евангелия, минеи, служебники) поступала в Тобольскую губернию централизованным порядком, то «деловая» письменность создавалась на месте. Заметим, что рукописные документы Средневековья в приличном состоянии хранятся в архивах области.

Несмотря на то, что первая светская школа в Тюмени была открыта в 1702 г., можно с уверенной долей оптимизма утверждать, что дело просвещения в Тобольской губернии было хорошо поставлено. Среди русских сибиряков было большое число читающих, обучением которых на дому занимались священнослужители. Духовные деятели создавали при церквях и монастырях библиотеки, которые постоянно пополнялись книгами из Сибирского приказа либо за счет даров просветителей и государей. Так, царь Федор Иванович пожертвовал кондинскому Троицкому монастырю сборники проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный» и «Вечерю душевную», а царевна Софья Алексеевна в 1680 г. презентовала церкви в Уртамском остроге на Оби маленькую библиотеку. Первый архиепископ Сибирский и Тобольский Киприан в 1620-е годы подарил тобольскому архиерейскому дому «Просветитель» Иосифа Волоцкого, а в 1634–35 гг., будучи уже митрополитом Новгородским, прислал в тобольский Софийский собор сборник слов Василия Великого, Острожский сборник 1588 г., в одном переплете с Книжицей Острожской 1598 г. Замечательные коллекции книг имелись в частных библиотеках архиепископов Нектария, Герасима Кремлева, Дмитрия Туптало, Игнатия Римского-Корсакова.

Внимание сибирского читателя в то время привлекала житийная литература, адекватная современной моралистической беллетристике. Это жития новгородских святых — Иоанна Новгородского, Варлаама Хутынского, архангельского святого Антония Сийского, соловецких святых Зосимы и Савватия, а также Жития Стефания Пермского, Жития московского митрополита Филорета, черниговского князя Михаила Всеволодовича, Ульянии Муромской, Ефросинии Суздальской и др.

Описания жизни «святых» соответствовали верованиям переселенцев, формируя не только взгляды, но и понуждая к созданию сибирской истории.

Купцы, казаки, промышленные и служилые люди, осваивающие новые земли, осознавали свою роль в новых жизненных условиях и стремились запечатлеть их в рассказах о Сибири. В начале XVII в. появляются «скаска» о неведомых землях, и в т. ч. легенды о покорении Сибири тобольского дьяка Семена Хломова. Г. Ф. Миллер в «Истории Сибири» многократно отмечает богатый выбор книг для чтения в монастырских и личных библиотеках.

К числу уникальных памятников русской культуры следует отнести сибирские летописи, свидетельствующие об уровне просветительской готовности оставить потомкам память о жизни и деятельности первопроходцев. В основе трех известных летописей Сибири – Синодике, Строгановской и Есиповской – лежат устные рассказы сподвижников Ермака. История создания Синодика изложена в Есиповской летописи: *«В лето 7129 (1621 н. ст.) поставлен быть в Сибири в Тобольск первый архимандрит Киприян... и на второе лето престольства своего воспомяну атамана Ермака из дружиного и повеле разпросить ермаковских казаков, како они придоша в Сибирь и где с погаными бои были и кого где погании убили на драке. Казаки ж принесоша к нему написание...»*.

«Синодик ермаковским казакам» 1622 г. состоит из двух частей: *чина православия*, где провозглашалась вечная память русским князьям, митрополитам и всем погибшим в походах русским воинам, а затем *списка имен и прозваний* участников похода: Ермака Тимофеевича, Якова Михайлова, Никиты Пана, Ивана Кольцо, Богдана Брязги и др., *маршрута экспедиции* и наименования присоединенных к России населенных мест. Синодик Киприяна был предположительно расширен в 1636 г. архиепископом Нектарием. Оба текста Синодика использовались на службе православия в главном соборе – церкви Святой Софии в Тобольске. Тексты хранились в библиотеке тобольского архиерейского дома и были известны дьяку Савве Есипову и церковному старосте Илье Черепанову, создавшим впоследствии собственные летописные варианты.

«Написание» было использовано в часто цитируемой прессой Строгановской

летописи, текст которой дополнен рассказами о походах Ермака против нападения вогулов и ролью Строгановых в присоединении Сибири к России. Самым полным является текст Есиповской летописи. Ее считают исторической повестью о Сибири, потому что она вобрала разные сведения о Сибири, ее истории, богатствах, происхождении аборигенов, их верованиях и др. Краткий вариант Есиповской летописи лег в основу «Летописи Сибирской краткой Кунгурской», содержащей ряд неточностей и искажений. Текст Есиповской летописи был использован С. У. Ремезовым при создании еще одного летописного варианта, который был назван Г. Ф. Миллером «Тобольским летописцем», или Ремезовской летописью.

С. У. Ремезов известен, прежде всего, как картограф, создавший к 1709 г. иллюстрированную «Чертежную книгу Сибири», переизданную в 1882 г. В числе его спо-

Ольга Антиевна СЕЛИВАНОВА,
доцент кафедры общей и социальной
педагогики ТюмГУ

1. Границы современности субъективны. Кто-то чувствует себя современником Леонардо да Винчи, а кто-то даже свою жизнь не может воедино собрать.

Настоящее чем-то напоминает свалку эпох, культурных осколков, идей, ценностей, в которой каждый из ныне живущих выбирает для себя то, что кажется ему ближе и понятнее. Настоящее (теперешнее) нельзя назвать многослойным (оно вовсе не отличается глубиной), скорее, оно похоже на калейдоскоп – плоское бесконечное многообразие; многообразие меняющееся, но состоящее из одних и тех же частичек. ☺

2. На мой взгляд, это отсутствие гармонии в мире вообще и, соответственно, в культуре, искусстве и т. п. «Классическая» гармония превратилась в исторический экспонат, и мир распался на случайные кусочки. Грустно не то, что все хорошее в мире «уже было» и не то, что после нас «ничего не будет», а то, что в современном мире нет ощущения ни величия момента, ни ожидания наступления новой интересной эры, лишь ощущение холода и дикости какой-то.

3. Происходит с нами только то, что не подчинится нам, в этом смысле настоящее неизвестно до секунды (и в этом его прелесть). Все остальное каждый делает в своей жизни сам, делает самостоятельно, поэтому каждому о себе и своем настоящем известно очень даже много. Просто человеку не хочется до конца переходить ни в одну из этих «половинок»: почему-то он предполагает объяснить неизвестное и необъяснимое и не желает признать совершенно очевидные факты. Игра в самообман, с постоянным знанием правды. Ничего с нами особенного не происходит: живем, как получается, и сколько бы ни жалели себя, хотим пожить подольше.

двигателей был изограф-иконник Максим Стрекаловский. Иконное дело в Тюмени развивалось достаточно активно, как и светская живопись и роспись по металлу. Среди наших современников только специалистам известно духовное наследие — книги, иконы, старые карты, созданные предками в Сибири в допетровское время. В тобольском и тюменском госархивах сохранились малоизученные бесценные письменные памятники культуры.

В XVIII–XIX вв. Тобольская губерния становится местом паломничества ученых, путешественников (И. Д. Бухгольц, И. Г. Гмелиц, Д. Г. Мессершмидт, И. И. Георги, И. Г. Фальк, Г. В. Стеллер, П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, И. И. Лепехин, А. Н. Радищев и др.). Особый вклад в изучении истории Сибири внесли В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов, И. Э. Фишер. Развитие духовной культуры в XIX–нач. XX вв. связано с сибирскими просветителями и учеными — П. А. Слободским, Г. И. Спаским, В. В. Радловым, Н. А. Абрамовым, С. К. Паткановым, П. Н. Буцинским, А. А. Дуниным-Горкавичем и многими другими.

Возвращаясь к начальному периоду функционирования в Сибири русского национального литературного языка, подчеркнем социальную значимость русского языка как языка-посредника, как языка межнационального общения, его роль затем будет расширяться, углубляться и совершенствоваться.

Важно подчеркнуть, что рубеж XVII–XVIII вв. — это время распада двуязычия,

диглоссии, время стилистической перестройки всех компонентов русского литературного языка. Устаревшая двухплановая стилистическая система письменного языка (книжно-славянский, документально-деловой, народно-литературный типы языка) постепенно заменяется системой трех стилей — высоким, средним, низким, которые функционировали в течение последующих ста лет.

Лингвистические коллизии в региональных условиях не выходили за рамки общероссийских тенденций за исключением консолидации диалектных процессов, включающих эволюцию окающе-акающих говоров, их частичное схождение, а также освоение русским населением вербальных этнографических элементов автохтонных (нерусских) этносов. Региональные «этнографизмы» легко обнаруживаются в «Прогулках вокруг Тобольска в 1830 году» П. А. Слободского, «Письмах о сибирской жизни» Н. М. Ядринцева, «В глухих местах» Н. А. Лухмановой, «Дедушке-вогуле и его внуках» К. Д. Носилова.

В годы советской власти и постсоветское время государственный русский язык конституционно используется в интересах межнационального сотрудничества в сфере образования, духовной культуры, науки и просвещения. Русский язык является родным языком 72% населения области, 98% русскоязычных, в т. ч. билингвов. В силу исторически сложившихся реалий, русские и русскоязычные гражд-

дане области компактно расселены по всей ее территории. Выбор языка межнационального общения в регионе, как и во всей стране, обусловлен качественными внешними и внутренними чертами русского языка — богатством его словаря, гибкостью грамматики, выразительностью, музыкальностью и самобытностью.

Современный русский язык отличается внутренней однородностью, если иметь в виду официально-деловые, научные и публицистические стили речи, близостью территориальных и уникальностью социальных диалектов в устной речи, если иметь в виду разговорные, художественные речевые стили. Вместе с тем, нетрудно заметить, что в современной развитой и богатой русскоязычной культурной среде обозначились три подхода к оценке феномена русского языка, его лингвоэтнического и культурного пространства. Специалисту-русисту, с одной стороны, русский язык представляется как фонетическая, морфологическая, лексическая и др. **система**, отражающая упорядоченное объединение элементов одного ряда, их иерархичность, перманентность, знаковость и динамизм. С другой стороны, социолингвисту и психолингвисту русский язык видится как категория социальная, либо психологическая и соответственно как этнолингвистическая и психолингвистическая системы, фиксирующие связи языка и этнического сообщества, мышления и сознания.

Русский язык, будь то литературный или территориальный, письменный или устный, имеет свою **норму** и описывается специалистами в позиции логической категориальности. Наконец, русский язык — это **совокупность функциональных стилей**, включающая литературно-художественные, которые категориально рассматриваются как культурно-эстетическое средство отражения языкового сознания народа. Следовательно, **система, норма и стиль** русского языка проецируют функциональную значимость русского языка в ее преломлении к региональным условиям. В них отражается степень развития русского языка, его положительная роль в развитии региональных младописьменных языков.

Государственный русский язык в регионе — это язык литературный, литературно-художественный и разговорно-бытовой, воплощающий русский национальный характер, национальные идеалы, которые в законченном виде представлены местными законодательными актами, научными трудами, художественной литературой, фольклором, публицистикой.

Уникальность современной лингвоэтнической ситуации, например в Тюменской области, определяется подготавливаемой программой «Русский язык», нацеленной на возрождение, стабилизацию и развитие языковых духовных традиций русской речевой культуры. Задачи этой актуальной программы — защита интересов государственного русского языка, укрепление позиций русского языка как языка межнационального общения народов, проживающих в регионе, расширение влияния русского языка как средства межгосударственного общения, укрепление роли русского языка в сфере вузовского и школьного образования, пропаганда богатого наследия русского языка, высокой культуры русской литературной речи.

Таким образом, развитие русского языка в Сибири, в частности в Тюменской области, осуществлялось по линии общероссийских тенденций, но имело очевидные региональные особенности. Они многоплановы, если судить по результатам научных исследований специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гореликов Л. А., Лисицина. Русский путь II: Русский мир в русском слове. Великий Новгород, 1999.
2. Космос Севера / Ред. О. К. Лагунова. Екатеринбург, 2000.
3. Филологический дискурс / Глав. ред. Н. П. Дворцова. Тюмень, 2000.
4. Фролов Н. К. Русская речевая культура как объект духовной экологии // Славянские духовные ценности на рубеже веков. Тюмень, 2001.